

References

1. Voroshilova S. V. *Gosudarstvennaya politika Rossii v sfere obrazovaniya k. 19 – n. 20 veka* [State policy of Russia in education of the late 19th – early 20th centuries], Saratov, 1995. 21 p.
2. Piskunov A. I. (ed.) *Istoriya pedagogiki i obrazovaniya. Ot zarozhdeniya vospitaniya v pervobytnom obshchestve do kontsa XX v.* [Pedagogic and education history. From education origin in primitive society until the end of the XX century], Moscow, TTs «Sfera» Publ., 2001. 512 p.
3. Kiseleva T. G. *Sostoyanie i tendentsii razvitiya narodnogo obrazovaniya v Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.* [Condition and tendencies of development of national education in Russia in the second half of XIX – the beginning of the XX centuries], Moscow, 2002. 26 p.
4. Oldenburg S. S. *Tsarstvovanie imperatora Nikolaya II* [Reign of emperor Nikolay II], Rostov-na-Donu, 1998. 576 p.
5. Zhelvakov N. A. (ed.) *Osnovnye polozheniya ustroystva obshcheobrazovatelnoy sredney shkoly: projekt ministra narodnogo prosveshcheniya Vannovskogo, 1901 g.* [Basic provisions of the structure of comprehensive high school: project of the minister of national education Vannovsky, 1901]. *Khrestomatiya po istorii pedagogiki* [Anthology of pedagogics history], Moscow, GUPI Narkomprosa RSFSR Publ., 1936, vol. 4, part 2: History of the Russian pedagogics since the most ancient times before Great proletarian revolution, pp. 260–262.
6. Saprykin D. L. *Obrazovatelnyy potentsial Rossiyskoy Imperii* [Educational capacity of the Russian Empire], Moscow, Russian Academy of Science Publ. House, 2009. 176 p.
7. Tolstoy I. I. *Zametki o narodnom obrazovanii* [Notes about national education], Saint-Petersburg, 1907. 131 p.

**ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ В УСЛОВИЯХ НЭПА:
К ВОПРОСУ О ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ
И ПОЛИТИКО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ**

Холодный Максим Александрович, кандидат исторических наук, научный сотрудник

Научно-исследовательский институт истории, экономики и права
125080, Российская Федерация, г. Москва, ул. Врубеля, 12
E-mail: holodnym@mail.ru

В статье рассмотрена проблема разработки и реализации государственной политики в сфере регулирования частной собственности в условиях нэпа и ее влияние на отношения собственности, права отдельных граждан, а также хозяйственную деятельность субъектов экономической жизни. Автор показал, что, в контексте большевистской доктрины, ограниченный допуск частной собственности не получил должного политико-правового обеспечения и оказался паллиативной мерой, рождавшей целый ряд проблем экономического и социально-политического плана. Тем не менее, опыт хозяйственной практики эпохи нэпа доказывает, что, несмотря на серьезные ограничения частной инициативы, частный интерес в эти годы в советской России абсолютно преобладал. В широких слоях общества, прежде всего, в среде крестьянства, доминировали настроения развития собственного хозяйства. Население обнаруживало низкий уровень доверия к активно внедряемой властями общественным формам, в том числе, к кооперации.

Ключевые слова: новая экономическая политика, отношения собственности, частная собственность, частный капитал, кооперация, личная собственность, проблемы землеустройства, предпринимательская деятельность, советское право

**PRIVATE PROPERTY IN THE NEP: THE QUESTION
ON THE LEGISLATIVE AND POLITICAL AND LAW REGULATION**

Kholodnyy Maksim A., Ph.D. (History), Researcher

Research Institute for History, Economics and Law
12 Vrubel st., Moscow, 125080, Russian Federation
E-mail: holodnym@mail.ru

The article deals with the problem of development and implementation of state policy in the sphere of regulation of private property under the NEP and its impact on the relations of property, rights of individual citizens, as well as economic activities of economic life. The author has shown that, in the context of the Bolshevik doctrine, limited access of private property did not receive proper political and legal support and helpful palliative, born a number of problems of an economic, social and political Pan. Nevertheless, the experience of business practices NEP era proves that, despite the serious limitations of private initiative, private interest in these years in Soviet Russia absolutely dominated. In the wider society, especially among the peasantry, dominated the mood of its own economy. Population exhibited a low level of confidence in the public authorities to actively introduce forms, including, for cooperation.

Keywords: new economic policy, property, private property, private equity, cooperation, personal property, land management problems, enterprise activity, Soviet law

Обращаясь к историческому опыту революционного переустройства любого социального организма, следует отметить, что для подобных периодов резкой смены общественно-политического строя вообще в мире характерен радикальный пересмотр традиционных для данного социума отношений собственности, а также ее фактический передел. В данной связи, в экономической сфере особое значение приобретает такое явление, как отказ от привычной системы гражданских правоотношений и признание прав прежних собственников ограниченными, либо ничтожными.

Революция 1917 г., последующая гражданская война породили целый комплекс проблем, свидетельствовавших о глубочайшем кризисе отношений собственности в истории России. В 1917–1920 гг. в стране были осуществлены национализация промышленности (вплоть до кустарных предприятий), социализация земли. Декларативное упразднение частной собственности привело общество к нищете, внедрению механизмов принудительной трудовой деятельности и распределения продуктов. Лишь оказавшись перед угрозой утраты завоеванной власти, большевики были вынуждены существенно скорректировать радикально-уравнительный курс.

Переход к нэпу означал, прежде всего, частичную реанимацию прав частной собственности. В данной связи, в стране быстро множилось попытки возврата имущества прежними собственниками, создававшие определенные затруднения [3, с. 85–93]. К примеру, ярким проявлением новых социально-экономических и политико-правовых реалий стал декрет СНК от 16 марта 1922 г. «Об ограничении права истребования предметов домашнего обихода бывшими собственниками от их фактических владельцев» [14].

Однако в обществе, в новых властных структурах, в рядах советской бюрократии новый курс был встречен довольно настороженно. Нередко он встречал и открытые возражения, протест. Как следствие, в результате перехода к НЭПу, в советской России в начале 1920-х гг. сложилась довольно запутанная ситуация. В частности, хотя отмеченный декрет от 16 марта 1922 г., формально и предоставлял бывшим собственникам право подачи исков об истребовании своего утраченного имущества, но на практике он встречал немалые трудности в применении. Причем, как показывает сложившаяся в тот период судебная практика, положения закона фактически блокировались как действовавшими в духе революционной традиции судьями, так и соответствующими надзорными и контрольными инстанциями.

К примеру, это красноречиво демонстрирует отмена Наркомюстом решения народного суда Никитско-Тверского участка Москвы, об удовлетворении иска гражданина С.А. Шереметьевского от 22 июня 1921 г. к Моспотребкоммуне и Наркомвнешторгу о возврате вещей, хранившихся в национализированном ими складе. По протесту НКВД Наркомюст в порядке высшего судебного контроля отменил решение вышеуказанного народного суда и постановил прекратить дело ввиду отсутствия в нем оснований спора о частном праве [9, с. 13].

Очевидно, что отмеченный выше декрет СНК от 16 марта 1922 г. оставлял бывшим собственникам довольно небольшие шансы возврата утраченного имущества. Причем на пути неприемлемой для революционных масс реституции решительно

встали и руководители РКП(б), и основная часть большевистских функционеров, курировавших процессы законотворчества и правоприменительной деятельности.

В данной связи, уже вскоре наметилось попятное движение. В частности, первым серьезным документом, принципиально ограничившим возможность восстановления имущественных прав бывших собственников, стало постановление сессии ВЦИК от 22 мая 1922 г. «Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР» [13]. Как отмечал один из его разработчиков А.Г. Гойхбарг: «В марте 1922 г. был издан Декрет о праве истребования предметов домашнего обихода бывшими собственниками от их физических владельцев. На основании этого Декрета, вся бывшая буржуазия, которая в свое время оставила имущество, за время революции успевшее уже перейти в более или менее прочное обладание трудящихся масс, начала заявлять претензии о возвращении этого имущества. Мы решили, чтобы положить конец этим домогательствам этих бывших владельцев, примечание 1 изложить так, чтобы запретить бывшим собственникам, имущество которых было экспроприровано на основании рев. олюционного права или вообще перешло во владение трудящихся до 22 мая 1922 г., требовать возвращения этого имущества, а примечание 2 заменить отменой этого декрета, на который имеется ссылка» [19].

Таким образом, декрет от 22 мая 1922 г. «Об основных частных имущественных правах» сформулировал и закрепил основные положения новой экономической политики о частной собственности.

В том же году его базовые нормы получили закрепление в Гражданском кодексе РСФСР. В соответствие с ним, свойственный гражданско-правовой концепции буржуазных государств принцип преемственности права, был решительно отброшен. Прежде всего, это нашло отражение в лишении бывших собственников права требовать имущество, экспроприированное в годы смуты на основании революционного права и перешедшее во владение трудящихся до мая 1922 г. Данная норма мотивировалась тем простым пониманием, что национализация есть революционная мера и суды не вправе разрешать споров тех или иных лиц, затронутых данной мерой, ибо тогда национализация утратила бы свое значение. Примечание 2 к статье 59 ГК отменило Декрет СНК от 16 марта 1922 г. «Об истребовании предметов домашнего обихода бывшими собственниками от их физических владельцев». Цель этой нормы кодекса состояла в том, чтобы не допустить возвращения дореволюционного порядка, а также избежать путаницы и неразберихи, которые могли бы возникнуть вследствие обращения в суды прежних собственников.

Сохраняя принципиальный курс на ограничение прав бывших «господствующих классов», Гражданский кодекс 1922 г. уделил довольно значительное внимание регулированию прав собственности. Статья 52 Гражданского кодекса 1922 г. узаконила в РСФСР следующие виды собственности: государственную (национализированную и муниципализированную), кооперативную и частную. Формально, в соответствие с ГК, советским гражданам предоставлялась возможность обладать на праве частной собственности не только предметами домашнего обихода, хозяйства или денежными капиталами, но и ценными бумагами, золотой и серебряной монетой, иностранной валютой и т.д. При этом целый ряд последующих декретов, подзаконных актов на деле такие права ограничивал (в частности, вводя запреты на свободный оборот валюты, драгоценных камней и металлов и пр.).

Негласная установка на ограничение прав частной собственности, в конечном счете, внесла в советскую правоприменительную практику существенные изменения [15, с. 100–111]. Несмотря на то, что Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. не говорил о личной собственности граждан, как об особой форме, вскоре теоретики большевистского права, помимо понятия частной собственности, выделили также такое понятие, как личная собственность. В итоге, на протяжении практически всего так называемого «переходного периода», параллельно с вытеснением частной собственности, значение

личной собственности граждан неуклонно росло. При этом границы между частной и личной собственностью являлись довольно зыбкими. В основном, к частной собственности большевики относили преимущественно такую собственность, использование которой позволяло собственнику извлекать соответствующую прибыль. Что касается личной собственности, то в этом качестве воспринимались объекты, предназначенные для собственного (личного) пользования и не приносившие прибыли.

Обращение к хозяйственной практике эпохи нэпа показывает, что, несмотря на серьезные ограничения частной инициативы, частный интерес в эти годы в советской России абсолютно преобладал. В широких слоях общества, прежде всего, в среде крестьянства, доминировали настроения развития собственного хозяйства. При этом население обнаруживало крайне низкий уровень доверия к активно внедряемой большевистскими властями общественным формам, в том числе, к кооперации [2].

В частности, это нашло отражение в крайней недолговечности кооперативов, зачастую возникавших лишь формально, на бумаге. Зачастую такие кооперативы возникали с целью получения различных преференций, предоставлявшихся властями (ссуды, земля, техника и пр.). Соответственно, они являлись довольно непрочными. Так, к примеру, в Донской области, из 117 потребительских обществ, практически сразу после получения денег 25 распались. В оставшихся серьезной активности не отмечалось. Их операции были с одной стороны, ограниченными, а с другой – коммерчески мало эффективны. Как следствие, если на 1 января 1922 г. в 64 сельских кооперативах число членов составляло 157267, то есть в среднем по 2457 членов на одно потребительское общество, то уже к 1 октября 1922 г. в 75 потребительских обществах количество членов сократилось до 67613. Таким образом, теперь в среднем на одно общество приходилось 901 человек [4, л. 47–49].

Подобная картина была характерна и в целом для России. По признанию самих крестьян, они вступали в кооперативы лишь для получения ссуды и после весенней посевной компании заинтересованность в кооперативах зачастую утрачивали. Одной из важных причин нежелания крестьянства вкладывать сбережения в сельскохозяйственную и потребительскую кооперацию, среди прочего, являлась низкая результативность работы огосударственных кооперативов, ограничения кооперативной демократии, хронические растраты и т.д. [17, с. 25]. В этой ситуации, гораздо более эффективным было частное использование и без того ограниченных средств. Как справедливо отмечал А.В. Чаянов, в 1923–1924 гг. деньги в советской России были настолько дороги, что всякий имеющий средства мог «получить за них от тех же местных ростовщиков и предпринимателей гораздо более высокие проценты», чем в кооперации [18].

Критическое отношение крестьян к советским кооперативам было тем более обоснованным, что последние прямо ориентировались властями не на получение прибыли, а на некое идеальное выполнение функций «справедливого» обмена между городом и деревней. В данной связи, они находились под жестким контролем, в силу которого успешная коммерческая деятельность кооператива нередко рассматривалась в качестве откровенно криминального, едва ли не контрреволюционного явления. Не удивительно, что, к примеру, в 1920-е гг. Наркомат РКИ вновь и вновь констатировал, что «нередко за спиной кооперативных организаций или госорганов орудует частный капитал» [10].

В целом, вынужденно, крайне неохотно допуская функционирование частнокапиталистического сектора, власти стремились ввести для него жесткие, строго ограниченные рамки. Данный курс формировался как путем принятия соответствующих политических директив, так и путем установления определенных правовых норм [1, с. 61].

В частности, одним из эффективных средств ограничения частного капитала явились широко применявшиеся налоговые санкции. В резолюции XIII конференции РКП(б) от 18 января 1924 г. «Об очередных задачах экономической политики» прямо говорилось, что «регулирование частного накопления должно достигаться мерами

налоговой политики» [8, с. 428]. В итоге, накопление капитала, укрепление института частной собственности максимально затруднялось. Частные предприятия, как правило, были не велики по своим размерам. Объединять капиталы и создавать более крупное и рентабельное предприятие было не выгодно, так как это резко увеличивало налоговую нагрузку. Поэтому в основном частные предприятия принадлежали одному хозяину. Стараясь уклониться от налогов, нэпманы в большинстве своем работали без какого-либо видения серьезной перспективы развития, старались сосредоточиться на различного рода посреднических операциях, допускали многочисленные нарушения. К примеру, в 1924–1925 хозяйственном году на 60 % увеличилось число осужденных за уклонение от платежа налогов [7, с. 85].

Ограничительная политика большевистского государства в отношении частного капитала серьезно затрудняла предпринимательскую деятельность. Однако она проводилась весьма неровно, с периодическими отступлениями, позволявшими частному сектору экономики расти вплоть до 1926/1927 гг.

В частности, в 1925 г. были предприняты наиболее решающие меры в поддержку крестьянства. Они были направлены на то, чтобы побудить крестьян, не особенно считаясь с их социальным расслоением, развивать свое индивидуальное хозяйство. Для этого был продлен срок земельной аренды с 6 до 12 лет, облегчены условия найма работников и т.д. при одновременной борьбе с излишне частым перераспределением земли, типичным для общины. Началась широкая поддержка самых разнообразных форм кооперации: торговой, кредитной, сельскохозяйственной. В кооперации могли равноправно участвовать все: крестьяне и ремесленники, зажиточные и бедные [11, с. 28–29].

Однако нерешенных проблем в указанной сфере было чрезвычайно много. Прежде всего, для крестьянства они были связаны с крайне неудовлетворительным решением вопроса о земле. Как показывает практика, новое землеустройство в годы нэпа осуществлялось в значительной степени стихийно. Вдохновлявшееся эклектичным набором уравнилельных идей, оно зачастую имело трагические последствия, и сопровождалось не только острыми спорами, но зачастую и жесточенными столкновениями из-за земли. Это порождало и иные многочисленные конфликты, так или иначе связанные с отношениями собственности.

Докладывая о кризисном положении дел в сфере землеустройства на Оргбюро ЦК 10 января 1925 г. в связи с делом о Дымовке, по итогам инспекции, проведенной в Одесской губернии, Подвойский, в частности, отмечал: «Землеустройство так, как оно устраивается сегодня, не организует земельную площадь, а дезорганизует ее. Сейчас каждое село на свой манер кроит землю. Причем иногда земельная площадь по качеству делится на десятки категорий и в каждой категории, каждому хозяйству нарезаются ничтожные клочки. Есть села, в которых по новому землеустройству, каждый крестьянин имеет землю в 8–10 кусках. ... От теперешнего землеустройства в селах возбуждение, неприятности, ссоры, драки. Сейчас судебные органы тонут в делах по землеустройству...» [5, л. 6].

Неразрешенные проблемы, связанные с отношениями собственности в деревне едва ли не парализовали всю работу советско-партийных органов. В частности, особой остроты поземельные конфликты достигли на национальных окраинах. К примеру, в своем обращении во ВЦИК 1 сентября 1926 г. Северо-Кавказский крайисполком фиксировал постоянные конфликты на почве краж скота, столкновений по земельным вопросам, водопользования, потрав и пр. [6, л. 169].

В этой ситуации, власти следовало более четко определиться в приоритетах своей политики в отношении частного капитала. На наш взгляд, постепенный процесс сворачивания НЭП, еще медленный и осторожный, но вполне ощутимый по усилившейся в прессе антинэпмановской и антикулацкой риторике, стал по-настоящему необратимым лишь после июльского пленума ЦК 1926 г. С этого времени в газетных заметках и журнальных статьях развернулись кампании о вытеснении и ликвидации частного капитала. Сведения о его допущении и регулировании отсутствовали. На первый план выходили материалы и суждения, призванные осветить негативные черты деятельности нэпманов, проиллюстрировать их исключительно хищническую

природу, противозаконную практику, отрицательное влияние на процесс формирования советского общества [16, с. 397].

1926 г. стал последним годом абсолютного роста частного сектора и в промышленности, и в сельском хозяйстве. С конца этого года частный капитал начал целенаправленно вытесняться вводимыми налогами и всевозможными ограничениями, в том числе прекращением кредитования, снабжения дефицитными материалами и т.д. Как следствие, если частная ценовая промышленность в 1925–1926 г. еще выросла 19,5 %, то в следующем 1926–1927 г. она сократилась на 4,2 % [12, с. 103].

К 1927 г. экономическая ситуация в стране изменилась радикально. Государство уже не скрывало своего отрицательного отношения к частному капиталу и нэпманам. И при любом удобном случае старалось это подчеркнуть. В обществе формировалось восприятие частной собственности как явления, чуждое пролетариату и советскому государству в целом. В итоге, уже к концу 1927 г. в СССР резко усилилась инфляция, возник товарный «голод».

Список литературы

1. Виноградов С. В. Ликвидация частной промышленности и торговли в конце 1920-х гг. (на примере городов Поволжья) / С. В. Виноградов // Современная научная мысль. – 2014. – № 1. – С. 61–69.
2. Виноградов С. В. Мелкотоварное крестьянское хозяйство Поволжья в 20-е годы / С. В. Виноградов. – Москва, 1998. – С. 120.
3. Виноградов С. В. Частнокапиталистический уклад в промышленности в период новой экономической политики (на материалах Поволжья) / С. В. Виноградов, Н. А. Болотов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2005. – № 2. – С. 85–93.
4. ГА РО. – Ф. Р-580. – Оп. 1. – Д. 187.
5. ГА РФ. – Ф. Р-393. – Оп. 52. – Д. 295.
6. ГА РФ. – Ф. Р-393. – Оп. 66. – Д. 72.
7. Гернет М. Н. Преступность за границей и в СССР / М. Н. Гернет. – Москва, 1931. – С. 85.
8. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам : сборник документов. – Москва, 1957. – Т. 1. – 879 с.
9. Ежедельник советской юстиции. – 1922. – № 11.
10. Известия ВЦИК. – 28 июня 1922.
11. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. – Москва, 1983. – Т. II. – 606 с.
12. Кржижановский Г. М. Десять лет хозяйственного строительства СССР. 1917–1927 / Г. М. Кржижановский. – Москва, 1928. – 132 с.
13. Сборник указов РСФСР. – 1922. – № 36. – Ст. 423.
14. Сборник указов. РСФСР. – 1922. – Ст. 283.
15. Турицын И. В. К вопросу о приоритетах деятельности советской прокуратуры в 1922–1925 гг. / И. В. Турицын, А. Ю. Пустынный // Современная научная мысль. – 2013. – № 4. – С. 100–111.
16. Турицын И. В. Советская власть и российская пресса: проблема взаимоотношений и взаимовлияния (1921–1929 гг.) : автореф. дисс. ... докт. ист. наук / И. В. Турицын. – Армавир, 1998. – 547 с.
17. Турицын И. В. Советская власть и российская пресса: проблема взаимоотношений и взаимовлияния (1921–1929 гг.) : автореф. дисс. ... докт. ист. наук / И. В. Турицын. – Москва, 1999. – 32 с.
18. Чайнов А. К вопросу об организации мелкого сельского кредита / А. Чайнов // Экономическое обозрение. – 1925. – № 1. – С. 68.
19. Энциклопедия государства и права. – М., 1925. – Т. 1. – С. 708.

References

1. Vinogradov S. V. Likvidatsiya chastnoy promyshlennosti i trgovli v kontse 1920-kh gg. (na primere gorodov Povolzhya) [Disposal private industry and commerce in the late 1920 (on the example of the Volga cities)]. *Sovremennaya nauchnaya mysl* [Modern scientific thought], 2014, no. 1, pp. 61–69.

2. Vinogradov S. V. *Melkotovarnoe krestyanskoie khozyaystvo Povolzhya v 20-e gody* [Small-scale peasant economy of the Volga region in the 1920], Moscow, 1998. 175 p.
3. Vinogradov S. V., Bolotov N. A. *Chastnokapitalisticheskiy ukklad v promyshlennosti v period novoy ekonomicheskoy politiki (na materialakh Povolzhya)* [Private-way in the industry during the new economic policy (on materials of the Volga region)]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University], 2005, no. 2, pp. 85–93.
4. GARO. F. R-580, op. 1, d. 187.
5. GARF. F. R-393, op. 52, d. 295.
6. GARF. F. R-393, op. 66, d. 72.
7. Gernet M. N. *Prestupnost za granitsey i v SSSR* [Crime abroad and in the USSR], Moscow, 1931. 85 p.
8. *Direktivy KPSS i Sovetskogo pravitelstva po khozyaystvennym voprosam : sbornik dokumentov* [Directive of the CPSU and the Soviet government on economic issues. Proceedings], Moscow, 1957, vol. 1. 879 p.
9. *Yezhenedelnik sovetskoy yustitsii* [Weekly Soviet justice], 1922, no. 11.
10. *Izvestiya VTsIK* [Proceedings of the VTsIK], 28 June 1922.
11. *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh sezdov, konferentsiy i Plenumov TsK* [The CPSU in Resolutions and Decisions of Congresses, conferences and plenums of the Central Committee], Moscow, 1983, vol. II. 606 p.
12. Krzhizhanovskiy G. M. *Desyat let khozyaystvennogo stroitelstva SSSR. 1917–1927* [Ten years of economic development of the USSR. 1917–1927], Moscow, 1928. 132 p.
13. *Sbornik ukazov RSFSR* [Proceedings of the decrees of the RSFSR], 1922, no. 36, art. 423.
14. *Sbornik ukazov RSFSR* [Proceedings of the decrees of the RSFSR], 1922, art. 283.
15. Turitsyn I. V., Pustynnikov A. Yu. *K voprosu o prioritetakh deyatelnosti sovetskoy prokuratury v 1922–1925 gg.* [On the priorities of the Soviet prosecutor's office in 1922–1925]. *Sovremennaya nauchnaya mysl* [Modern Scientific Thought], 2013, no. 4, pp. 100–111.
16. Turitsyn I. V. *K voprosu o prioritetakh deyatelnosti sovetskoy prokuratury v 1922–1925 gg.* [Soviet power and the Russian press: the problem of the relationship and interaction (1921–1929)], Armavir, 1998. 547 p.
17. Turitsyn I. V. *Sovetskaya vlast i rossiyskaya pressa: problema vzaimootnosheniy i vzaimovliyaniya (1921–1929 gg.)* [Soviet power and the Russian press: the problem of the relationship and interaction (1921–1929)], Moscow, 1999. 32 p.
18. Chayanov A. K. *voprosu ob organizatsii melkogo selskogo kredita* [On the organization of small-scale rural credit]. *Ekonomicheskoe obozrenie* [Economic Review], 1925, no. 1, pp. 68.
19. *Entsiklopediya gosudarstva i prava* [Encyclopedia of State and Law], Moscow, 1925, vol. 1, pp. 708.

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КИТОБОЙНОГО
ПРОМЫСЛА В СССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940 – НАЧАЛЕ 1950-Х ГГ.
(НА ПРИМЕРЕ КИТОБОЙНОЙ ФЛОТИЛИИ «СЛАВА»)**

Виноградов Сергей Вадимович, доктор исторических наук, профессор

Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: dissovetdm@yandex.ru

В статье рассматривается процесс становления и развития китобойного промысла в Советском Союзе в послевоенные годы на примере китобойной флотилии «Слава», базировавшейся в Одессе и предназначенной для работы в суровых условиях Антарктики. Автор подчеркивает, что победа СССР во Второй мировой войне, вызвавшая серьезные геополитические изменения в мире, позволила стране приступить к активному освоению богатств мирового океана. В этом отношении китобойный промысел в голодные послевоенные годы стал одним из источников продовольствия и полезных морепродуктов, востребованных населением. К тому же китобойная флотилия «Слава» была очень прибыльным для государства предприятием и примером рационального использования имущества, полученного по репарациям от Германии